

Цзян Ехун посмотрел на Жун Жо. На краткий миг во взгляде юноши промелькнуло нечто пугающе чуждое, незнакомое, но видение исчезло так быстро, что Ехун засомневался, не почудилось ли ему.

Жун Жо мягко улыбнулся, в его глазах заплясали искорки смеха.

— Старший брат Чу, почему ты так на меня смотришь?

Цзян Ехун тут же отвернулся, покраснев, и сделал вид, что увлечённо рассматривает окрестности.

— Хоть в Деревне Девяти Семей и творится чертовщина, но рис здесь знатный. Стебли куда выше, чем в других местах.

Жун Жо наклонился и зачерпнул горсть земли.

— Здесь много воды, да и почва для риса самая подходящая, оттого он и процветает.

Он подошёл к самому краю поля.

— И впрямь хорош: зерно крупное, налитое. Благодатный край. Девять Рек питают все окрестные земли, так что с поливом проблем нет.

Из колышущегося моря колосьев вышел крестьянин с мотыгой на плече. В деревне уже почти все знали Цзян Ехуна в лицо.

— Здравствуйте, господин Чу.

— Урожай у вас в этом году на зависть, — заметил Ехун.

Крестьянин пристроил мотыгу поудобнее.

— А то как же! Наш рис — лучший в округе, знатные люди из самой столицы готовы платить за него втридорога. Зёрнышко к зёрнышку, белые, полные. А уж какой аромат идёт, когда его варишь! Рисовое же вино из нашего зерна во всех столичных трактирах раскупают вмиг.

Жун Жо осторожно коснулся колосьев.

— И все поля орошаются водой из этой реки?

— Все до единого, — кивнул крестьянин. — Вода в ней не иссыкает даже в самую засуху. Милость Лунного Божества, не иначе. Совсем скоро наступит день великого праздника, и тогда... Вы бы знали, господа: после обряда, на рассвете, вода в верховьях окрашивается в нежно-красный цвет. Деревенские наперебой спешат набрать её для полива. Чем больше такой «небесной росы» получит поле, тем богаче будет урожай.

Жун Жо на мгновение замер.

— После праздника вода в верховьях становится красной?

— Именно так, — подтвердил мужик.

Жун Жо больше не спрашивал. Он лишь задумчиво посмотрел туда, где река скрывалась за изгибом холмов. Цзян Ехун перебросился с крестьянином ещё парой ничего не значащих фраз и подошёл к юноше.

— Что-то не так?

— Старший брат Чу, давай пройдемся вверх по течению, — негромко предложил Жун Жо.

Они двинулись вдоль берега. У реки было множество притоков, благодаря которым влага доходила до каждого клочка земли. В середине русло расширилось, и вода там казалась тёмной, глубокой. Цзян Ехун старался держаться подальше от кромки: плавал он скверно. В первые годы странствий по Поднебесной он честно пытался научиться, но так и не преуспел.

Жун Жо внезапно остановился.

— Смотри, здесь со дна то и дело поднимаются пузыри. Похоже, бьют подземные ключи. Думаю, вода течёт из той горы. Если прикинуть направление... не та ли это вершина, у подножия которой ты нашёл меня той ночью?

Цзян Ехун смущённо кашлянул. Навигация никогда не была его сильной стороной; не будь рядом Жун Жо, он бы и дорогу назад не нашёл. А в ту ночь ещё и ливень стеной стоял, кругом одни горы — поди разбери, какая из них какая.

— В ту ночь так хлестало, что я особо не приглядывался...

— Понимаю. Но если вспомнить слова крестьянина о красной воде после жертвоприношения... Боюсь, алая краска в реке — это человеческая кровь, стекающая с алтаря.

Цзян Ехун почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Все в деревне пили воду из этой реки. Он и сам её пил. От мысли, что в ней растворена людская кровь, его едва не вывернуло

наизнанку.

— Но как она попадает в реку с такого расстояния?

Жун Жо восстановил в памяти устройство алтаря.

— Под бронзовым треножником было множество желобов. Полагаю, они ведут в пустоты под землёй. Кровь стекает в скрытую пещеру, попадает в подземную реку и выходит наружу через эти самые ключи. Это единственное разумное объяснение тому, почему после каждого обряда вода окрашивается в красный.

Цзян Ехун присел на корточки, борясь с позывами рвоты. Что это за проклятое место?

Жун Жо, заметив его состояние, достал из-за пазухи мешочек с цукатами.

— Обряд проводят раз в пять лет. С прошлого раза прошло уже много времени, так что в реке давно нет ни капли крови. Не думай об этом, старший брат. Съешь лучше сладость.

Голос Жун Жо был неизменно мягким, обволакивающим, точно весенний поток. Сердце Цзян Ехуна снова пропустило удар. Он взял медовый плод, и когда сладость растеклась во рту, тошнота и впрямь немного отступила.

— И всё же гадко всё это.

Жун Жо замер у воды. Ветер теребил пряди у его висков, и в этот миг он был прекрасен, словно сошедший со свитка небожитель. Цзян Ехун поспешно опустил голову, сосредоточившись на цукатах.

"Я что, с ума схожу? Откуда такие мысли?"

— Пойдём назад, — буркнул он.

Они двинулись обратно. Жун Жо шёл легко и грациозно; по манерам, по каждому жесту в нём угадывался выходец из знатного рода. Он обернулся через плечо:

— Старший брат Чу, тебе всё ещё не по себе?

— Да нет, всё в порядке, — Ехун прибавил шаг. — Скорее бы вернуться.

Когда они вошли в деревню, то увидели, что толпа крестьян бежит в сторону родового храма. Ехун и Жун Жо поспешили следом. Храм представлял собой жалкое зрелище: здание обгорело

и почти превратилось в руины. Говорили, что огонь вспыхнул внезапно. Люди в толпе уже вовсю судачили, что покойная тройца обманула Лунное Божество, и теперь гнев небес пал на всю деревню.

Вперёд вышел сухопарый старик, опирающийся на костыль. Он смотрел с лютой злобой.

— Это всё они! — прохрипел он. — Те трое прогневили божество, и теперь оно мстит нам!

Деревенский староста Ло Чуньчжи перед этим старцем выглядел растерянным юнцом.

— Глава клана, помилуйте... Пожар в храме — просто несчастный случай...

Чжоу Чжаотан вскинул голову, и его костыль с глухим стуком ударил в землю. Старик был похож на паршивого старого волка.

— Случай?! Среди бела дня, без единой искры, храм вспыхивает ярким пламенем, а ты, староста, вместо того чтобы молить о прощении, лепечешь про случайность!

Несмотря на преклонный возраст и сгорбленную спину, в его голосе звучала пугающая властность.

Ло Чуньчжи не посмел возразить. Остальные тоже притихли. Чжоу Чжаотан обвёл толпу надменным взглядом.

— Беспричинный пожар — это знак ярости Лунного Божества. До меня и раньше доходили слухи, что семьи Ли, Лу и Лю ведут нечестную игру, но я не хотел верить. Сегодня же вы сами всё видели. Божество карает не только их, но и нас. Почему мы должны страдать из-за их грехов?

Слова старого главы пали на благодатную почву. Толпа взревела:

— Старейшина прав! Это их вина! Мы не хотим отвечать за чужие грехи!

Чжоу Чжаотан властно поднял руку, и наступила тишина.

— Они — обманщики и святотатцы. Только их наказание усмирит гнев небес. Соберите всех членов этих трёх семей у храма. Клеймите их как преступников и изгоните прочь! Дома их и всё добро конфисковать — в дар Лунному Божеству!

— Конфисковать! В дар божеству! — неистово вопили крестьяне.

— А ну, стоять! — зычно выкрикнул Цзян Ехун. — С какой стати ты решаешь, кто виновен, а кто нет? Для тебя законы империи — пустой звук? В чём их вина — решит суд, а ты не судья, чтобы выносить приговоры!

Чжоу Чжаотан издал жуткий, сиплый смешок. Гнилые зубы делали его похожим на выходца с того света.

— Откуда взялся этот наглец? Это Деревня Девяти Семей, и здесь мы живём по своим законам! Чужакам нечего совать нос в наши дела!

Ехун холодно усмехнулся:

— Законы? Плевать мне на твои родовые устои. Ваша деревня — часть империи, и вы обязаны подчиняться законам государства. Самосуд я здесь вершить не позволю.

Старик затрясся в беззвучном смехе. Кожа на его руках, обтянувших костыль, была тонка как пергамент. Он казался до крайности возбуждённым.

— Какая империя? Мы — подданные великого дома Чжоу! Наша власть — только от династии Чжоу!

Цзян Ехун посмотрел на него как на умалишённого.

— Что ты несёшь? Династия Чжоу пала сотни лет назад. Ты что, во времени потерялся? Подданные Чжоу, надо же... Ладно, раз так — предъяви доказательства. Ступай в Ямэнь, пиши прошение государю, пусть созывают верховный суд и разбираются, чей ты там подданный. А раз вы считаете себя чужаками на этой земле, так, может, вам пора убираться отсюда на все четыре стороны, в свои мифические владения?

Чжоу Чжаотан задрожал ещё сильнее. Он зашёлся в безумном хохоте.

— Мальчишка... Щенок... Здесь всё моё! Вон отсюда! Убирайтесь!

Старик вопил во всё горло, как вдруг его глаза налились кровью. В следующее мгновение глазные яблоки лопнули, кровь хлынула из глазниц, носа и ушей. Чжоу Чжаотан забился в конвульсиях, широко разевая рот, но вместо слов из него толчками выплескивалась багровая жижа. Зрелище было омерзительным. Через секунду старик рухнул замертво, уставившись в небо пустыми кровавыми провалами.

— Божество! Лунное Божество разгневалось! — в ужасе закричали люди. Началась паника.

Цзян Ехун подошёл к телу и коснулся шеи.

— Мёртв.

Жун Жо стоял рядом, он не выразил даже тени страха или отвращения при виде столь жуткой смерти. Он присел и принялся.

— Пахнет спиртным. Старший брат, думаю, это снова действие яда «Грёзы наяву».

Цзян Ехун раздвинул волосы на макушке покойного. Кожа там бугрилась, под ней явно что-то двигалось. Жун Жо снял с пояса старика маленькую фляжку с вином, вылил остатки и приставил горлышко к темени трупа. Насекомое прогрызло кость и вырвалось наружу. Учуяв запах алкоголя, гу-червь мгновенно юркнул во флягу. Жун Жо ловко запечатал сосуд пробкой.

Староста Ло Чуньчжи, окончательно лишившись чувств от увиденного, сполз по стене. Ехун поднял его и встряхнул:

— Очнись, староста! Смотри внимательно — никакая это не кара небесная. Его убил ядовитый паразит.

Ехун помог старосте добраться до дома. Деревня погрузилась в липкий страх: в каждом окне зажглись свечи, люди лихорадочно молились Лунному Божеству.

Жун Жо поставил флягу на стол. Цзян Ехуна снова начало подташнивать.

— Куда старый глава ходил перед смертью? С кем виделся?

Сын Чжоу Чжаотана, бледный как полотно, заикался от страха:

— Отец... он ходил в дом Лу Чана. Хотел... хотел взглянуть на ту картину.

Цзян Ехун нахмурился:

— На картину? На ту самую «Парящую небожительницу»?

— Да... Слышал, что её писал великий мастер, вот и захотел посмотреть. Всё-таки её рисовали в нашей деревне.

— А перед этим, — уточнил Ехун, — старик пил вино?